

Интересна критика предлагаемых мѣр для борьбы с застарѣлым кризисом — по трем направлениям: рационализации, инфляци и протекционизма. В настоящее время, как известно, Англія ищет спасенія на обоих путях: вольного протекционизма и невольной инфляци. Любопытно, что автор, скептически настроенный к протекционистским попыткам, сочувственно относится к инфляци.

Мастерской анализ имперских связей и перспектив Англіи, ослабленія экономического и политического единства на фонѣ неизмѣннаго единства культурнаго и, в широком смыслѣ, національнаго, завершает картину. Будущее Англіи не рисуется безнадежным, хотя о сохраненіи былой экономической монополіи и политической гегемоніи не может быть и рѣчи. Соціальная установка автора скорѣе консервативна. Для него пролетаріат, по старому, «рабочія руки», пониженіе цѣн на которыя — самоочевидное хозяйственное благо. Нѣтъ и намеков на возможность трансформациі экономического строя. Это не лишает книгу Зигфрида фактической и даже документальной цѣнности. Блестяще написанная, сжатая (216 стр.), она может служить превосходным введеніем в англійскую проблему.

Г. Ф.

«1931 ГОД». Что такое Россия? К чему она пришла?
Бѣлград. 1931.

Переломная эпоха вызывает стремленіе осмыслить сущность кризиса и найти пути исцѣленія.

От многих других трудов, написанных на эту тему, «1931 год» отличается исключительным единством содержания, проникнутаго цѣльным мировоззрѣніем, сохранившим многія черты стараго народничества.

Исходя из «первоцѣнности человеческой личности», автор, не пожелавшій подписать своего имени, создает схему типов общественной жизни и исторического развитія, основанную на различеніи трех видов «цѣлестремительности» человѣка: автоматическаго, авторитарнаго и автономистическаго, причем послѣдній осуществляется в свободном соціальном сотрудничествѣ, в творческом самоопредѣленіи. Гуманистическій идеал «автономизма» имѣет свою опору в христіанствѣ.

Автор видит трагедію Европы в подчиненіи цѣлевого автономизма — автономизму средств. Покопив силы природы, человѣкъ подчинился механическому темпу их развитія. Общее цѣлесознаніе померкло, и великій расцвѣт духовной культуры прекратился в серединѣ XIX вѣка. В области соціальной «автономической реформизм» Фурье, Мадзини и др. был заглушен марксизмом, сочетавшим культ автоматической эволюциі и авторитарной эволюциі. Западная Европа на распутьи, и автор не увѣрен в ея спасеніи, ибо душа европейца «пуста и темна».

Можно было бы замѣтить, что классификація, основанная на качествѣ цѣлестремленій, не проникает вглубь душевных переживаній и довольствуется обнаруженіем симптомов. Тѣм не менѣе она

дает критерій для поучительной оцѣнки общественных явленій. Пессимизм автора по отношению к Западной Европѣ столь же глубок, как оптимизм его по отношению к Россіи. Но безлюбозное изученіе челоуѣка рѣдко дает вѣрные результаты, и трудно согласиться с опредѣленіем европейца, как «машиннаго автомата». При болѣе сочувственном наблюденіи, автор замѣтил бы, может быть, в душѣ европейца начало героичности и не утверждал бы безоговорочно отмираніе религіи и морали. Не мало признаков обратнаго. Впрочем, автор сам отмѣчает рост перед войной духовно-творческаго начала и допускает возможность «созидательной реформации».

За то к Россіи, к русскому народу, любовь его устремлена с волнующей искренностью и силой. Оптимизм проявляется тройко: в опредѣленіи основных свойств Россіи, в увѣренности, что большевизм безсилен измѣнить ея духовный облик, в вѣрѣ в ея великое будущее. Находя в русском народѣ ярко выраженный начала «реформаціоннаго автономизма», воспитанныя географическими и историческими условіями, автор, увѣренный в скором паденіи большевиков, указывает на неизбежность самобытнаго разрѣшенія главных російских проблем, для процвѣтанія Россіи и исполненія ея міровой миссии.

Государство сложно-національное, но спаянное объединяющей культурой, Россія даст примѣр между-національнаго замирения,

опираясь в борьбѣ за мир на славянство и восточныя страны.

В области хозяйственной, отказавшись от слѣпого подражанія Западу, она осуществит хозяйство самодостаточное, «оптимальное», цѣлесообразно регулируемое, без капиталистическаго максимализма, губящаго Европу. Соціальный строй Россіи — под знаком трудовой кооперации, на основѣ самодѣятельнаго крестьянства.

Строй государственный — с упором на мірскіе, вѣчевые навыки, сохранившіеся от древней Руси. Разгрузка государства от ряда функций в пользу широчайшаго самоуправленія и кооперации. Построеніе народоправства от мѣстных органов к центральным, снизу вверх.

Культурное творчество, запечатлѣнное духом органичности и синтетичности, свойственным русскому народу.

Россія, едва освоившая свои территоріи в процессѣ тысячелѣтняго творчества, лишь вступает в період возмужалости.

Со многим можно было бы согласиться, если бы рѣчь шла о возможности, о тенденціи російскаго развитія. Но безоговорочность прогноза такого рода мыслима лишь при немалой идеализации Россіи, и в особенности ея крестьянства. Напримѣр, автор не допускает и мысли, что большевистскій «авторитаризм» проник в русскую народную душу. А доказывая, что крестьянство наше, единственное в мірѣ, объединено в трех-ярусную кооперацию: производственную, распределительную и мѣновую, автор под «про-

изводственной» понимает, в первую очередь, большія семьи. Между тѣм ко времени колхозной катастрофы число крестьянских хозяйств увеличилось почти вдвое: большія семьи исчезли. Нельзя согласиться и с тѣм, что большинство крестьян покинуло колхозы, что оно побѣдило их. К прискорбію, это не так. Возвеличивая крестьянство, автор весьма суров к интеллигенции: отзвуки старо-народнических настроеній.

Но критика отдѣльных пунктов не должна ослабить общаго чрезвычайно отраднато впечатлѣнія от этой небольшой книги, богатство содержанія которой дѣлает невозможным краткое резюмирование. «1931 год» является уже своего рода резюме ряда больших научных работ автора.

Мужественная вѣра в русский народ проникает книжку, исполненную мѣтких исторіософических экскурсов (в частности — о фазах развитія русской интеллигенціи, о роли самодержавія). Многое может вызвать возраженія. Напримѣр, анализ причин побѣды большевизма: твердокаменный, изувѣрскій антигуманизм должен был взять верх над размягчившимся, затуманившимся гуманизмом «ушадочной» предвоенной интеллигенціи. Но прочесть этот труд слѣдует всякому, чьи думы с нашей родиной.

С. Жаба.

Г. Н. ПОЛКОВНИКОВ. «Диалектика Исторіи». (Париж, 1931. Изданіе Евразійцев).

Мнѣ кажется, что книга г. Полковникова не может служить примѣром научных достижений евро-

пейства. Книга эта безспорно учена, но как-то по ученически учена. Кажется, что автор, уже приступив к писанію, стал разбираться в Гегель, Шпенглерѣ, романтиках, славянофилах и не успѣл сказать ничего своего. Когда автору приходится, в новой связи, говорить о том, что было сказано им раньше, он не просто ссылается на сказанное, но почти слово в слово повторяет это (ср. напримѣр, стр. 54 и 36). Так случается писать людям, охваченным новой, в их сознаніи еще не оформившейся до конца мыслью — так писали Бэкон, Вико, Гердер. Но, вѣдь, автор в мѣстах, на которыя я сейчас сослался, не говорит ничего новаго. В книгѣ, помѣченной 1931 годом, странно читать формулы, извлеченныя из старых гимназических учебников, — напримѣр, «разсудочнаго искусства» времени «ложно - классицизма» (стр. 32, 34 и 134). Иныя формулы автор прилагает к явленіям, к которым онѣ не имѣют ровно никакого отношенія.

Досаднѣе всего, что в трудѣ, главная цѣль котораго — критика западно-европейской культуры, не сказано ничего о современном культурном кризисѣ, дающем столь много для болѣе углубленнаго и вмѣстѣ болѣе точнаго, чѣм прежде, пониманія сущности этой культуры, как особаго процесса.

П. Бицилли.

Le gérant : Rossel-Chiot.

IMPRIMERIE
DE LA SOCIÉTÉ NOUVELLE
D'ÉDITIONS FRANCO-SLAVES,
32, rue de Ménilmontant, Paris

